

© 2008 г. Л.Э. КАЛНЫНЬ

ОСОБЕННОСТИ КОНСОНАНТНОЙ СИНТАГМАТИКИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ/ДИАЛЕКТАХ

В статье показано, что правила консонантной синтагматики в славянских языках/диалектах определяются звуковым пространством разного типа (или разными рамочными единицами). С одной стороны, это конкретное сочетание согласных, различающихся своей артикуляцией. А с другой – фонетическое слово, как общее пространство движения звукообразующего шума. Синтагматические решения в фонетическом слове имеют иную логику, чем в конкретном сочетании, и отражают синтагматические новации, возникшие на фоне тех преобразований звуковой линейной последовательности, которые были вызваны падением редуцированных.

В изучении славянской фонетики, начиная с праславянского состояния, значительное внимание уделялось правилам сочетания звуков в линейной последовательности. В славянских языках/диалектах на протяжении истории менялось пространство синтагматических определений. До падения редуцированных гласных таким пространством был слог, имевший однотипное устройство (открытый, восходящая сонорность) и унифицированный в отношении высоты тона (палатальная, велярная просодемы). Это, по мнению С.Б. Бернштейна, имело диагностическое значение для придания звуковой последовательности статуса сочетания. Он пишет: в праславянском «сочетанием согласных» можно считать только тавтосиллабические комбинации звуков, а звуки, разделенные слоговой границей, образуют «простое соседство» и к ним нельзя относить правила синтагматики, актуальные в слоге [Бернштейн 1961: 131, 137].

Падение редуцированных гласных не только изменило слоговую структуру слова, сделав допустимыми закрытые слоги, но и нарушило актуальные ранее правила консонантной синтагматики. Утрата слабых редуцированных гласных, в частности, провоцировала появление сочетаний согласных, которые ранее были синтагматически запрещены. В результате слово- и формообразования согласные могли появляться в таких позициях, которые ранее вообще отсутствовали и поэтому не могли соотноситься с какими-либо синтагматическими правилами. В ситуации, когда слово перестало быть последовательностью только открытых слогов, в соседстве друг с другом оказались согласные, различающиеся по любому из консонантных признаков – участие голоса, высота тона (палатализованность ~ веляризованность), место и способ образования, уровень сонорности. Изменилось и пространство синтагматических решений – это был уже не слог, а сегмент, образованный рядом стоящими звуками, безотносительно к границе слога.

Синтагматическая ситуация, возникшая после падения редуцированных, отличалась от праславянской количеством фонетических изменений, происходящих в слове. В праславянской фонетике в звуковой последовательности происходили: «воздействие гласных и *j* на согласные», «воздействие *j* и шипящих согласных на последующие гласные». В консонантных сочетаниях чаще всего происходило то, что А. Мейе называет «редукция сочетания», т.е. утрата одного согласного (*damь < dadmь*, *osa < opsa* и др.) [Мейе 1951: 71, 95, 102]. Более редки изменения по способу и месту образования (*tt > st*, возможно *tl > kl*, *dl > gl*) [Бернштейн 1961: 190]. После падения редуцированных в славянских языках/диалектах происходили более разнообразные синтагматические изменения в звуковой цепи. В особенности это касается консонантных сочетаний.

Некоторые из вновь возникших сочетаний согласных могли ощущаться как произносительно неудобные (тем более, если они противоречили ранее актуальным правилам синтагматики) и поэтому подвергались преобразованиям. Такими преобразованиями формировались новые правила сочетания согласных. О содержании этого процесса можно судить по тем изменениям, которые отражены в консонантных сочетаниях в современных славянских языках/диалектах. При этом надо отметить, что вновь возникшие правила сочетания согласных оказались весьма индивидуализированы в отдельных языках и диалектах. Как один из примеров этого, можно привести результаты изменения сочетания *dn* в разных славянских диалектах – н.-луж. *parnuś, sturná, pśelńica*; словац. *gñes, gnu, honni, pannút, slobono*; хорв. *lno, bò:lńok, gláhna, 'lasna (= gladna)*; болг. *utkrábnъl* и др.

При сочетании согласных в линейной последовательности распространены изменения, направленные на снижение артикуляционного контраста между согласными. Наиболее очевидно это достигается путем **ассимиляции** согласных. Ассимиляция может иметь прогрессивную направленность, когда второй согласный уподоблялся первому (действие произносительной инерции), и регрессивную, при которой приоритет имела артикуляция второго согласного (действие принципа антиципации). При этом одинаковое сочетание согласных могло подвергаться изменениям в разных направлениях в разных диалектах. Таково, например, разное изменение сочетаний смычных зубных с фрикативными согласными. В македонском смычка распространяется на второй согласный – *odzadi, nadzornik, potčepnit, otči (= otši), otcučit* [FO 1981: № 101], *da go om'cee, om'cega, om'chie, nadču'vee* [Vidoeski 1970: 87]. В белорусском полесском говоре наоборот, фрикативность распространяется на первый согласный – *ац стакáна, пац'с'евáйом, ач шáпк'і, адж жóнк'і*. Факты ассимиляции согласных достаточно полно каталогизированы в имеющихся описаниях славянской фонетики.

В славянских языках/диалектах представлены и такие изменения консонантных сочетаний, которые эксплицированы увеличением артикуляционного контраста между согласными. Это – **диссимиляция** согласных.

Логика ассимиляции и диссимиляции сегментов звуковой последовательности находятся в разном отношении к представлению о произносительном удобстве, на которое, по определению, должны ориентироваться линейные фонетические изменения. Целью таких изменений в принципе не должно быть усложнение артикуляции звукового ряда. Можно полагать, что линейный сегмент, компоненты которого по своей артикуляции не сильно различаются, является более удобным для произношения в сравнении с сегментом, состоящим из более контрастных единиц.

Однако в славянской фонетике имеются такие проявления консонантной синтагматики, логика которых не вполне совпадает с их фонетической экспликацией. Изменение может **внешне** выглядеть как увеличение контраста между согласными, а **по существу** является ассимиляцией и реализует произносительное упрощение.

Такого типа явление отмечено в севернорусском говоре (Холмогорский р-н). Здесь происходит мена *n > n'* перед *š, ž* – *омáн > омáн'шык, ц'інгá > зац'ін'жыла, женá > жéн'шчына*. Внешне это выглядит как диссимиляция согласных по высоте тона (замена твердого согласного мягким перед следующим твердым согласным). Однако в действительности – это ассимиляция согласных по месту образования. Мена *n > n'* в этом случае является следствием сближения места затвора носового согласного с зоной образования переднеязычного спиранта. Но затвор, характерный для *n'*, не сочетается с корональной формой языка, присущей *n*, и поэтому корональная форма заменяется дорсальной. В результате получается артикуляционное уподобление, сопровождаемое в то же время усилением контраста между согласными по высоте тона. Этот пример свидетельствует не только о несовпадении мотивировки ассимиляции и ее аудитивно воспринимаемого результата, но и об определенной иерархии признаков, по которым происходит уподобление. Контраст по высоте тона оказывается менее значимым на фоне приоритетного значения признака места образования.

Похожая ситуация отражена в хорватских говорах в виде изменения $n, l > \acute{n}, \acute{l}$ после задненебных смычных g, k – *gńí:zdo, gńò:j, gńístina* [FO 1981: № 45], *g'lu:xi, g'le:tva, kĺin, kĺa'ći* [FO 1981: № 31], *kľe:'pac, g'ľedati, x'lib, k'li:ška* [FO 1981: № 37], *'legńe, na'takńeš, 'nikńe, k'ńga, g'ńetav* [FO 1981: № 69]. В основе этого изменения лежит прогрессивная ассимиляция по месту образования – передвижение n, l по направлению к задненебным g, k помещает сонант в палатальную зону.

Обычно как диссимиляция интерпретируется изменение $mn > vn$ – словен. *lakovnica, vnođugo, vnožina, spláunom* (< plamenom) *spōvnit se* [Ramovš 1924: 94]; хорв. *gúvno, távno, tǎvnica* [Peco 1983: 257], *slò:vnica, dǔ:vna* [FO 1981: № 42], болг. *зевнік, пимовно, стрѣвно, пла́вник, тевно́, стовна* [Умленски 1965: 61]; укр. *шувний, зоўноў* (= со мной), *теўний, запобунити* [Жилко 1955: 95], сев.-русс. *внóго, т'евнотá, надо внóй*. Однако и это изменение можно считать ассимиляцией по месту образования, поскольку билабиальная артикуляция заменяется лабиодентальной, а дентальное сближение свойственно согласному n .

Один из примеров допустимости альтернативной интерпретации для таких консонантных изменений, которые имеют вид прогрессивной диссимиляции, имеется в белорусских говорах. Это – изменение сочетания фрикативных согласных в последовательность 'фрикативный + аффриката', т.е. $ss > sc, zz > zʒ, šš > šč, žž > žž$: *ты с'м'ijél/c'ц'la, /c'ц'élос' мѣлакó, валó/c'ц'la, кал'ц'лó ат касы́, рал'ц'л'пъў мукý, мál'з'дз'ly* (Inst sg), */здз'ádз'í* (< зз), */ш ч'ышкътй* (< ш#ш < с#ш), */ш ч'ум'іхътй, /ж дж'óнкътй* (< ж#ж < с#ж) [Крывіцкі, Падлужны 1984: 177]. Можно полагать, что такое произношение является следствием достаточно высокого уровня напряженности фрикативных согласных. Напряженность усиливается в последовательности одинаковых согласных, а это ведет к образованию смычки между первым и вторым согласным. В этих условиях сочетание фрикативных согласных как бы приобретает свойства дифтонгоида, т.е. нерасчлененной последовательности, поскольку нельзя решить, каким из двух согласных обусловлено появление смычки. Здесь трудно применить понятие ассимиляция/диссимиляция – равновероятно приспособление первого согласного ко второму и второго к первому.

В белорусских говорах имеется и противоположное изменение в сочетании фрикативного согласного со смычным, когда вторая смычная артикуляция заменяется фрикативной (прогрессивная ассимиляция). Это – *с':эны* (< сцены), *кас':ей* (касцей), *кас:ы́* (касцы), *р'ейш:а* (< решча impreg) и под. [Там же: 178]. Такое слияние двух согласных в один долгий возможно на фоне более низкой напряженности согласных, чем это имеет место в рассмотренных выше примерах.

Логика многочисленных изменений консонантных сочетаний в славянских диалектах определяется взаимодействием артикуляции рядом стоящих звуков. В синтагматическом аспекте консонантное сочетание в слове выступает в виде замкнутого пространства. В этом можно видеть сходство с праславянской ситуацией, где таким замкнутым пространством был слог. Но после падения редуцированных слово перестало ассоциироваться с последовательностью однотипных слогов, и слог перестал быть той рамочной единицей, в пределах которой реализовались правила синтагматики. Натуральной единицей членения звучащей речи стало фонетическое слово, т.е. линейная последовательность, ограниченная с обеих сторон паузой. Как ранее в организации слога, в основе фонетического слова лежит программа, регламентирующая звуковую организацию этого сегмента речи. Фонетическое слово стало той рамочной единицей, которая в принципе могла влиять на синтагматику составляющих слово звуков.

Действительно, в славянской фонетике представлены такие изменения консонантных сочетаний, логика которых может ассоциироваться именно с пространством фонетического слова в целом, а не только с пространством конкретного сочетания звуков в слове.

Проявление этого можно видеть в таких изменениях консонантных последовательностей, когда согласные, локализованные в передней зоне ротовой полости, заменяются заднеязычными согласными (g, k, x, h).

Современным славянским диалектам достаточно известно изменение $d, t > g, k$ перед сонорными согласными.

В словенских говорах – *gnə, g'na:r* (=denar) [FO 1981: № 10], *k'na:ta, g'nar:, k'tačim, k'lije* [FO 1981: № 17], *k'na:la, 'pɔ:kle, g'nar* [FO 1981: № 18], *'ve:gne, g'na:ko, gnes, g'le:sna, g'la:n, 'mekla* [FO 1981: № 149]; *g'lu:mp, g'le:itva, k'la:čijo, 'ku:kla* (=tolklja), *g'na:r, g'nie:s* [Koletnik 2001: 111];

в хорватских – *'maqla, glan, g'laka, kmī:ca* [FO 1981: № 29], *měkla, nākle, glēhtve* [Peco 1980: 175]; *měknut, mēknija* [Finka 1995: 648];

в сербских – *gläko, glëto, pëklja, gláhna, nah njôm* [Peco 1980: 31, 97];

в македонских – *g'tobok, g'leto, k'tanik, k'leit, k'nočko* [FO 1981: № 99];

в болгарских – *zág'n'a, spég'n'a, prég'n'o* [БДА III: К. 63, с. 64];

в словацких – *klčiem, klknút, glhí, sveklo, glžen, mgli* (=mdlý), *gnu, gnës, istokne, ožlknút'* [Stanislav 1958: 545], произношение *klct', klk, klmačit', klatí, glho, gložba, glžava* предлагается объяснять контрастом между слоговым l (т.е. $l̥$) и предшествующими t, d [Pauliny 1963: 170];

в украинских говорах – в материалах ОЛА отмечено в некоторых говорах произношение *гно, hно* (*дъно); в [АУМ III: 247] *гл'a, гмит'ро, гн'in'ро*; в гуцульском говоре (Путильский р-н) *клумок, доклá, м'иклá, св'íкла* (Ген світло), *укл'íлосе*.

Замена губного взрывного согласного задненебным перед губным сонорным, т.е. $bm > gm$, свойственна некоторым русским говорам. Так, в вологодском говоре – *огмануў, огмоц'іў, огморóз'іwc'e, огм'ірáў, óгморок*. В этом говоре такое же изменение происходит перед лабиодентальным губным согласным – *огвал'íлас'e, огв'ерну́ла, óгв'íl'í* (=обвили).

Перечисленные изменения увеличивают артикуляционный контраст по месту образования между рядом стоящими согласными. Первый согласный из передней зоны перемещается в заднюю зону, как бы перескакивая через промежуточные этапы – передне-небный и палатальный ряды. Надо отметить, что перемещение зубного согласного перед n в передне-небный или палатальный ряд не является чем-то невероятным. Так, в сербо-луж. говорах отмечено произношение *iarnuś* (*vędnuti) [SS T.3: 276], *sturnia* [SS T.5: 127], *parnuś, spórny, pšern'ica* [Калнынь 1967: 175]. В хорватском говоре $dn > jn$ – *zājni, srėjni* [Peco 1980: 97].

Замена зубного (переднеязычного) согласного задненебным (заднеязычным) внешне выглядят как диссимиляция, увеличивающая расстояние между локальными рядами первого и второго согласных. При рассмотрении механизма изменения перечисленных сочетаний надо учитывать их артикуляционную специфику. Сочетания $[p, b + m]$, $[t, d + n]$, $[t, d + l]$ артикулируются как один согласный. Имеется специальное терминологическое обозначение таких артикуляций. М.В. Панов определяет bm, dn как «губная и зубная щелчковая артикуляция», а tl, dl как «взрывно-боковой звук» [Панов 1967: 37, 38]. О. Брок для тех же артикуляций использует термины «носовой» и «боковой взрыв» [Брок 1910: 144].

Слитность артикуляции рядом стоящих согласных создает благоприятные условия для артикуляционной унификации соответствующего сегмента, т.е. ассимиляции, которая достаточно известна в славянских диалектах в рассматриваемых сочетаниях. Изменение $dn > nn$ фиксируется в восточнославянских диалектах, польских [OF 1983: 92], чешских [Navránek 1934: 140], болгарских [БДА II: К. 109], $dn > nn > n$ в словацких [ASIJ I: К. XXV; Stanislav 1958: 549] и др. Изменение $dl > ll > l$ отмечено в словацких [ASIJ I: К. XXV; Селищев 1941: 72], в словенских [Weiss 2001: 336], в украинских гуцульских и др.

Для расподобления тех же компонентов сегмента надо преодолеть артикуляционную слитность их произношения, что должно иметь особую мотивацию. Возможно следующее объяснение.

Изменение $[d > g, h], [b > g], [t > k]$ перед n, l, m могло произойти с целью перестройки артикуляции консонантной последовательности в соответствии с естественным направ-

лением движения шума в фонетическом слове, т.е., в конечном счете, для упрощения произношения. Имеется в виду следующее. Начало звукодвижения (образования звука) вообще локализуется в задней зоне речевого аппарата и далее реализуется путем преодоления преград, образуемых в его передних частях. Переключение зубного смычного в назальный или латеральный сонант осуществляется путем некоторого перемещения языкового сближения с зубами спереди назад (от *t, d* к *n, l*) т.е. навстречу движению воздушной струи, образующей шум. Изменение [*d > g*], [*t > k*] перед *n, l* означает, что подход к сонантам переместился из передней части ротовой полости в ее заднюю часть. Это соответствует естественному направлению движения шума при образовании консонантной последовательности. То же относится к изменению *bm > gm*.

Коррекция направления движения шума при образовании консонантного сочетания выражается также в замене фрикативного зубного и передненебного согласного задне-небным перед аффрикатой.

Так, в болгарских говорах – *gróxche* (< шч), *nóxche* (< жч), *móxche* (= мостче) [Иванов 1977: 125]; *praxč'ića*, *sv'ixč'ića*, *nóxč'u*, *č'uxč'ić'u*, *s'ákač'u* (< ш#ч), *xč'un'iš*, *iš'ex' č'áca*, *vač'arv'enu* (< шч < сч), *ax č'étoč* (< з#ч), а также *sx > xč* – *sax č'ár*, *sčx č'ígán'an*, *b'ix č'íná* [Калнынь, Попова 1993: 157].

Изменение зубного и передненебного спираанта в *x* означает перемещение подхода к аффрикате из передней части ротовой полости в ее заднюю часть. Это ведет к тому, что развитие шума движется по каналу звучания от более задней и простой артикуляции (фрикативной) к более сложной и передней (аффрикативной) происходит в соответствии с естественным направлением шумопрохождения, а не навстречу ему.

В сербских говорах изменение *s, š, z, ž* перед аффрикатой в заднеязычный спирант имеет вид произношения глухого фарингального спираанта *h̥* перед глухим согласным и звонкого задненебного *ɣ* перед звонким. Локализация спираанта в фарингальном ряду максимально приближает артикуляцию первого согласного сочетания к месту начала звукодвижения. Это – *'vuko:h̥ci*, *p'ra:h̥ci*, *m'tad:h̥ci*, *g'ro:žze*, *gvo:ɣze*, *beɣ zece* [FO 1981: № 75]; *lí:h̥ca*, *klà:h̥ce*, *pù:h̥cim*, *h̥cèt*, *gù:h̥če*, *bá:h̥ča*, *brè:ɣze* [FO 1981: № 78], а также *seléxce* (< šc), *piléxce* [FO 1981: № 50].

В сербском говоре к такому же типу относится изменение *šč > kč* – *'gukče*, *ko'žukče*, *o'rakče*, *'dakčica* [FO 1981: № 81]. В этом случае перемещение первого компонента сочетания в заднюю зону звукообразования сопровождается изменением его способа образования – фрикативность заменяется взрывностью.

Рассмотренные факты славянской фонетики могут послужить основанием для следующих выводов.

После падения редуцированных в славянских языках/диалектах преобладающей тенденцией в консонантной синтагматике является ассимиляция, т.е. уменьшение артикуляционного контраста между согласными. При этом приоритетное значение может получать один из признаков согласного – часто это м е с т о о б р а з о в а н и я. В таком случае может увеличиться контраст между согласными по другим признакам, что создает эффект опосредованной (или – менее значимой) диссимиляции (*nš > n'š*, *gn > gñ*, *mn > vn*).

Но изменение места образования согласного определяется не только удобством произношения конкретного сочетания. После падения редуцированных гласных изменился тип линейной последовательности, в которую были включены консонантные сочетания – не слог, а фонетическое слово. В соответствии с этим коррекция звукообразования могла ориентироваться на удобство произнесения слова, а не только отдельного сочетания. Это удобство достигалось организацией движения артикуляции в соответствии с естественным направлением движения шума. Именно так можно объяснить перемещение согласных из передней зоны ротовой полости в задненебный/фарингальный ряд. Нельзя усматривать в этом результат взаимовлияния артикуляций двух согласных в рамках сегмента, равному сочетанию согласных – слишком велико расстояние между исходным согласным и его заменой. То, что в этом случае может происходить расподобление рядом стоящих звуков, имеет второстепенное значение, поскольку главной явля-

ется ориентация на коррекцию направления движения шума. Термин *диссимиляция согласных* в применении к таким изменениям не отражает содержание явления.

Таким образом, можно считать, что особенность консонантной синтагматики в славянских языках/диалектах состоит в том, что ее правила определяются звуковым пространством разного типа (или разными рамочными единицами). С одной стороны, это замкнутое пространство конкретного сочетания согласных, различающихся своей артикуляцией. А с другой – фонетическое слово, как пространство движения звукообразующего шума. Синтагматические решения в фонетическом слове имеют иную логику, чем в конкретном сочетании. Консонантные изменения, связанные с фонетическим словом, вероятно, отражают синтагматические новации и встречаются в славянской фонетике реже, чем изменения в конкретных сочетаниях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- АУМ III – Атлас української мови. Ч. 3. Київ, 2001.
Бернштейн 1961 – С.Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
БДА – Български диалектен атлас. Т. I–IV. София, 1964–1978.
Брок 1910 – О. Брок. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910.
Жилко 1955 – Ф.Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.
Иванов 1977 – Й.Н. Иванов. Български преселнически говори. София, 1977.
Калнынь 1967 – Л.Э. Калнынь. Типология звуковых диалектных различий в нижнелужицком диалектном языке. М., 1967.
Калнынь, Попова 1993 – Л.Э. Калнынь, Т.В. Попова. Фонетика двух болгарских говоров, функционирующих в условиях разной языковой ситуации // ИСД. 2. М., 1993.
Кривіцкі, Падлужны 1984 – А.А. Кривіцкі, А.І. Падлужны. Фанетыка беларускай мовы. Мінск, 1984.
Мейе 1951 – А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951.
Панов 1967 – М.В. Панов. Русская фонетика. М., 1967.
Селищев 1941 – А.М. Селищев. Славянское языкознание. М., 1941.
Умленски 1965 – И. Умленски. Кюстендилският говор. София, 1965.
ASIJ I – Atlas slovenského jazyka I. Vokalizmus a konsonantizmus. Uvod. Komentare. Bratislava, 1968.
Finka 1995 – B. Finka. Glasovna oblježja govora mjesta Sukošana kod Zadra // Македонски јазик. Год. XL–XLI, 1989–1990. Скопје, 1995.
FO 1981 – Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih Opšteslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981.
Havránek 1934 – B. Havránek. Nářečí česká. Praha, 1934.
Koletnik – M. Koletnik. Slovenskogoriško narečje. Maribor, 2001.
OF 1983 – Opisy fonologiczne polskich punktów «Ogólnosłowiańskiego językowego atlasa». A. Basara, J. Basara. Zeszty II. Wrocław, 1983.
Pauliny 1963 – E. Pauliny. Fonologický vývin slovenčiny. Bratislava, 1963.
Peco 1980 – A. Peco. Pregled srpskohrvatskih dijalekata. Beograd, 1980.
Peco 1983 – A. Peco. Govor Podveležja // Basanskohercegovački dijalektološki zbornik. Kn. V. Sarajevo, 1983.
Ramovš 1924 – F. Ramovš. Historična gramatika slovenskega jezika. Ljubljana, 1924.
SS – Sorbische Sprachatlas. T. 1–13. Bautzen, 1965–1990.
Stanislav 1958 – J. Stanislav. Dejiny slovenskeho jazyka I. Bratislava, 1958.
Vidoeski 1970 – B. Vidoeski. Grupy konsonantyczne s(z), š(ž) + c, č w dialektach macedońskich // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. T. 9. 1970.
Weiss 2001 – P. Weiss. Fonološki opis posavskega govora kraja Spodnje Kraše // Jezikoslovni zapiski 7. 1–2. Ljubljana, 2001.